

Японские исследования. 2020. № 3. С. 123–136.

Japanese Studies in Russia, 2020, 3, pp. 123–136.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023

Фольклорная символика японской животной игрушки

А.Р. Садокова

Аннотация: Статья посвящена изучению народной символики японской традиционной животной игрушки. Отмечается, что народная игрушка является неотъемлемой частью традиционной культуры любого народа, всегда рассматривалась как необходимый этап познания мира. Она выполняла образовательные функции, знакомила с природными материалами и их свойствами, помогала осваивать законы жизни общества и его нравственные установки. Народная игрушка всегда была связана с разными видами хозяйственной деятельности и религиозными верованиями, выполняла обрядовые функции. Значительна роль животной игрушки, которая не только знакомила детей и взрослых с жизнью природы и воспроизводила облик реальных и фантастических зверей и птиц, но и зачастую играла роль «заместителя» божества, наделяясь божественной силой. Последнее в большой степени свойственно японской игрушке, изображающей животных. Именно эти игрушки хорошо сохранили фольклорную символику, однако этот аспект никогда прежде не был предметом специального исследования.

Набор животных, которые приняли в Японии форму народной игрушки, достаточно обширен и в основном совпадает с японскими традиционными представлениями о тех животных, которые и сегодня в Японии считаются символами счастья и процветания. При этом наблюдается чётко выраженный синкретизм типологических региональных представлений о тех или иных животных и стремления японской фольклорной традиции показать приоритет национальной специфики в выборе животных и истоках появления народной игрушки.

Вероятно, этим можно объяснить большое количество фольклорных текстов, которые пытаются объяснить происхождение японских народных игрушек-животных. Это легенды и предания, которые в силу специфики жанра ориентированы на «достоверность» рассказа. Интересно, что сама игрушка является важным элементом подтверждения достоверности фольклорного рассказа. То есть очевидна взаимосвязь: фольклорный текст объясняет появление игрушки, а игрушка доказывает правдивость фольклорного текста.

Оставаясь в большинстве случаев обычной детской игрушкой, керамические и бумажные животные получили также статус детского оберега, с которым можно играть, или просто иметь рядом с ребёнком. Все это придаёт народной животной игрушке современное звучание и делает её частью жизни современных японцев.

Ключевые слова: Япония, народная игрушка, животные, легенды и предания, обрядовая функция, оберег, символика.

Автор: Садокова Анастасия Рюриковна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры японской филологии, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, 11). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

Folk symbolism of Japanese zoomorphic toys

A.R. Sadokova

Abstract. The article is dedicated to research on folk symbolism of traditional Japanese zoomorphic toys. Folk toys are an integral part of any nation's traditional culture and have always been considered an essential stage in understanding the world. The toys performed educational functions, familiarized children with natural materials and their properties, helped them master social laws and moral foundations. Folk toys were connected with a variety of economic activities and religious beliefs and performed sacred functions. Zoomorphic toys played a significant role, not only acquainting children and adults with nature and mimicking the appearance of real and fantastic beasts and birds, but often also acting as a “substitute” for a deity, thus acquiring divine power. The latter is highly common for Japanese toys portraying animals. These toys retained folk symbolism to the largest degree. However, this aspect has never been studied specifically.

The range of animals that became folk toys in Japan is rather extensive and mainly reflects the traditional Japanese concepts of animals that are still considered symbols of happiness and prosperity. There is a clear syncretism of typological regional concepts of certain animals and the aim of the Japanese folk tradition to demonstrate the priority of national specifics in the selection of animals and in the origins of folk toys.

This can probably account for why there are so many folk texts attempting to explain the origins of Japanese zoomorphic folk toys. These are legends and fables that, due to the specifics of the genre, are geared towards the "authenticity" of the story. The toys themselves are an important element confirming the authenticity of folk stories. I.e., there is an evident connection – a folk text explains the origin of a toy, and the toy confirms the truthfulness of the text.

Although, in most cases, ceramic and paper animals remained common children toys, they were also given the status of protective children's amulets that could be used for play or simply placed next to the child. All of this gives folk zoomorphic toys a contemporary edge as a part of life of the modern Japanese.

Keywords: Japan, folk toys, animals, legends and fables, sacred function, protective amulet, symbolism.

Author: *Sadokova Anastasiya R.*, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Japanese Philology, Institute of Asian and African Studies of the Lomonosov Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Av., Moscow, 125009, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-1096-5669; E-mail: sadokova@list.ru

Введение

Народная игрушка как часть традиционной культуры

Неотъемлемой частью традиционной культуры любого народа является народная игрушка, которая на протяжении веков воспринималась как чрезвычайно важная часть жизни людей. Игрушка рассматривалась как необходимый этап познания мира. Как традиционный элемент воспитания детей она выполняла важные образовательные функции, знакомила с природными материалами и их свойствами, помогала осваивать законы жизни общества и его нравственные установки. Народная игрушка всегда была связана с разными видами хозяйственной деятельности и религиозными верованиями, но при этом оставалась особым видом народного творчества. Как отмечает исследователь этого вида декоративно-прикладного искусства Е.И. Ковычева, в лучших образцах народных игрушек всегда есть «лаконичность и благородство их пластики, нарядное, но неназойливое декоративное

решение, проверенное вкусом многих поколений, бережное отношение к материалу и любование его естественной красотой» [Ковычева, 2010, с. 6].

При этом у всех народов игрушка выполняла и обрядовые функции. Конечно, это в большей степени относится к народным куклам, которые создавались по образу человека и наделялись человеческими способностями и эмоциями. Но чрезвычайно важна была и роль животных игрушек, которые не только знакомили детей и взрослых с жизнью природы и воспроизводили облик реальных и фантастических зверей и птиц, но и зачастую играли роль «заместителя» божества, наделяясь божественной силой. Последнее в большой степени свойственно японской игрушке, изображающей животных. Именно эти игрушки хорошо сохранили фольклорную символику.

Нельзя не заметить, что в японской культуре, как традиционной, так и современной огромное значение придаётся благопожелательной символике животных и предметов, а умелое «прочтение» этих символов – необходимая бытовая деталь Японии. В связи с этим большое внимание издавна уделялось игрушке, как предмету, наделённому особой благопожелательной символикой: ведь игрушки непосредственно контактировали с ребёнком, и тот позитив и правильные установки, которые они должны были давать ребёнку, имели особое значение. Эти тенденции прослеживаются и в современной японской культуре, что придаёт данному аспекту исследования особую актуальность, о чём свидетельствует периодическое появление работ японских этнографов и культурологов, в которых исследуются японские благопожелательные символы-*энгимоно*. Это, например, работы известных специалистов в этой области Кандзаки Норитакэ [Кандзаки Норитакэ, 2000] и Кимура Ёситаки [Кимура Ёситаки, 2011]. Однако такой аспект исследования, как связь японской народной игрушки, благопожелательной символики и фольклорных текстов, по-своему объясняющих зарождение этой символики, до сих пор не был предметом специального исследования.

Набор животных, которые приняли в Японии форму народной игрушки, достаточно обширен и в большей части совпадает с японскими традиционными представлениями о тех животных, которые и сегодня в Японии считаются символами счастья и процветания. Однако есть и своя специфика. Если «счастливые» животные, входящие в состав символов-*энгимоно*, во многом восходят к дальневосточным региональным представлениям, которые сложились в Китае, то народная животная игрушка больше тяготеет к японской традиции, стараясь объяснить появление этих игрушек событиями из национальной истории или явлениями японской культуры. То есть наблюдается чётко выраженный синкретизм типологических региональных представлений о тех или иных животных и стремления японской фольклорной традиции показать приоритет национальной специфики в выборе животных и истоках появления народной игрушки, олицетворяющей их.

Вероятно, этим можно объяснить довольно большое количество фольклорных текстов, которые пытаются объяснить происхождение японских народных игрушек-животных. Эти тексты, как правило, относятся к категории несказочной прозы, то есть это легенды и предания, которые ориентированы на «достоверность» рассказа. Эту часть устной народной прозы в японской традиции принято обозначать термином *дэнсэцу* (подробнее см. [Садокова, 2019, с. 50–51]). При этом, конечно, истинно народные представления о тех или иных животных запечатлелись и в народной сказочной прозе.

Несказочная проза, легенды и предания, как известно, в силу своей специфики, должны иметь «ссылку на авторитет», то есть всеми возможными способами доказать правдивость рассказа, что достигается за счёт упоминания реальных исторических лиц и событий, указаний на реально существующие географические и культурные объекты. В японском фольклоре, где в устной народной повествовательной традиции произведения несказочной прозы явно преобладают, это зачастую достигается, например, «ссылкой» на конкретные существующие ныне храмы, которые считаются хранителями памяти о давних событиях. Можно сказать, что и сама игрушка является важным элементом подтверждения достоверности фольклорного рассказа. То есть очевидна взаимосвязь: фольклорный текст объясняет появление игрушки, а игрушка доказывает правдивость фольклорного текста.

Здесь уместно вспомнить две однотипные по своему образу игрушки: бычка и тигра. Их особенность заключается в том, что у выполненных из глины или папье-маше игрушек особым образом закреплена голова, которая благодаря нехитрому приспособлению внутри тела может свободно двигаться влево-вправо, вверх-вниз. Эти известные с детства каждому японцу игрушки имеют свою реальную историю, причём не слишком давнюю, но большую популярность получили фольклорные интерпретации их рождения. Это было связано, прежде всего, с благожелательной символикой этих животных в японской культурной традиции, включения их в набор благожелательных символов-*энгимоно*. Хотя именно фольклорная традиция пыталась обозначить иную причинно-следственную связь и доказать доступными фольклорному тексту способами, что именно чудо, зафиксированное в фольклорном тексте, стало точкой отсчёта для благожелательной символики этого животного.

Красный бычок: единение продуцирующей и охранительной магии

Говоря об образе быка и его игрушечной версии, следует вспомнить, что культ быка существовал издавна в культуре разных народов. Быку поклонялись как божеству и помощнику в нелёгком земледельческом труде, обожествляя его способности помогать на поле. Японская традиция также никогда не забывала о единении быка с земледелием. Этим нередко объясняется связь быка и бога Тэндзин (обожествлённого духа Сугавара-но

Митидзанэ). Сегодня все знают, что бог Тэндзин покровительствует наукам и учёбе. Однако нельзя забывать, что у этого божества есть и другие функции. Исстари Тэндзин считался также богом земледелия и грома: неслучайно его имя понимается как «Небесный бог». В этом свете видится естественным, что ипостасью или сопровождением божества является бык – знаковый персонаж земледельческих работ. Связь бога Тэндзин и быка объяснялась также и тем, что Сугавара-но Митидзанэ не только родился в год Быка и в час Быка, но и умер в год Быка.

Сегодня в любом из многочисленных храмов, посвящённых этому божеству, можно увидеть каменные и деревянные изображения лежащих быков. Их называют *надэуси*. Глагол «надэру» в японском языке имеет значение «гладить, проводить рукой». То есть это быки для того, чтобы их погладили. Считается, что поглаживая этого чудесного быка, человек отгоняет от себя болезни: проведи рукой – и болезни уйдут. То есть бык и в культе бога Тэндзин ещё в давние времена приобрел функцию защитника от бед и болезней.

Сама же традиция такого восприятия быка уходит в фольклор, который через народную игрушку объяснял появление этой функции у земледельческого символа. И это при том, что сама игрушка появилась не раньше XVII в. Это небольшая керамическая игрушка – красный бычок с двигающейся головой, известная как *акабэко*. Буквально название означает всего лишь «красный бык», потому что на диалекте западной части префектуры Фукусима, местности Аидзу, откуда эта игрушка родом, слово «бык» – *уси* звучит как *бэко*.

Игрушка и сегодня пользуется огромной популярностью и производится в разных районах Японии, приобретая местный колорит, однако, традиционной считается фигурка красного цвета. Сегодняшняя версия игрушки утвердилась в Японии в 20-х годах XX в. Однако история о красном бычке уходит своими корнями в далёкое прошлое.

Рассказывают, что ещё в 807 г. достопочтимый монах Тоицу начал на территории буддийского храма Эндзо:дзи в местности Аидзу большое строительство: он решил построить там новый храм Коку:дзо:до:. Однако неожиданно с верховья реки Тадамигава, что несла свои воды в тех краях, принесло большое количество огромных сломанных деревьев. Они перегородили дорогу, а оттащить их в сторону было невозможно. Люди из окрестных селений пришли на помощь, но ничего сделать не могли. И тогда неизвестно откуда, словно кто-то послал людям помощь, появились быки, и работа закипела. Но особенно трудился красный бычок, который помогал людям даже тогда, когда все деревья были убраны. Остальные быки уже покинули это место, а он всё трудился и трудился. Но как только работы завершились, он замер и окаменел. Люди поняли, что сами боги решили помочь им и стали почитать красного быка как счастливый символ [Эндзо:дзи]. Попутно заметим, что мотив самопроизвольной «окаменелости» человека или животного нередко встречается в произведениях японской сказочной прозы. Такое «поведение» является для японского фольклора свидетельством особой божественной значимости персонажа.

Не случайно и окаменевший красный бычок стал восприниматься в фольклорной традиции как божество и в этом качестве служил японцам и позднее: в разные периоды считалось, что красный бычок защищает от болезней, поэтому его изображения даже прикрепляли к одежде, особенно в периоды эпидемий. Красный бычок издавна почитался и как важный оберег младенцев от скверны и болезней: глиняные фигурки вешали на люльки или клали рядом с ребёнком. Вероятно, немаловажную роль играл цвет, ведь, как известно, красный цвет издавна считался в Японии цветом благополучия и сильным оберегом. Все эти давние приметы привели к тому, что культ красного бычка-защитника приобрёл форму общенациональной народной игрушки, благодаря старинной легенде принесённой в Новое время исконные представления о благопожелательной символике быка.

Тигры и львы: от фантастических представлений к благопожелательному символу

Примерно так же фольклор утвердил и стандартизацию игрушечного тигра. Несмотря на то, что тигры в Японии никогда не водились, это животное тоже с давних пор считалось благопожелательным символом и изображалось на свитках и картинах. Тем более что в соседних странах – Китае и Корее – это всегда был важный и любимый символ. Согласно китайской философии, белый тигр считался покровителем Запада и входил в число

сидзин – четырёх божеств, покровительствующих сторонам света (восток – синий дракон, юг – феникс, север – черепаха). В Корее тигр почитался как посланник бога гор. В Японии же он стал животным, сопровождающим бога Бисямон.

Также в Японии обратили внимание, что тигр очень бережно относится к своим детёнышам. Это сделало тигра животным, покровительствующим детям и оберегающим их. Именно поэтому стали мастерить игрушечных тигров, которые должны были служить детскими оберегами [Кандзаки Норитакэ, 2000, с. 43]. Как считает японский этнограф Кандзаки Норитакэ, эти, видимо, многочисленные игрушки, стали основой для создания тигра из папье-маше, который известен по всей стране. Особенно прославились, во многом благодаря этому благопожелательному символу-*энгимону*, синтоистский храм Сукуна-хикона-дзиндзя в Осака и буддийский храм Тёгосондзи (народное название Сигисандзи) на горе Сигисан в северной части префектуры Нара.

Игрушечного тигра из храма Сукуна-хикона-дзиндзя называют «дзинко-но-о-мамори» («оберег/защита божественного тигра»). В 1822 г. в Осака случилась эпидемия холеры, и тогда лекари, собравшись, сделали оберег, назвав его «голова тигра, убивающая демонов». Они принесли эту огромную голову, наполненную всякими целебными травами и снадобьями, в храм и упорно молились. Говорят, что холера вскоре отступила. Интересно, что и сегодня на некоторых сайтах предлагают повторить этот опыт в борьбе с коронавирусом, а многие храмы, посвящённые божеству Сукуна-хикона, за которым в народной японской мифологии закреплена функция лекаря-целителя, молятся о скорейшем завершении пандемии.

Надо сказать, что ещё в эпоху Хэйан в знатных домах действительно верили, что голова тигра обладает божественной силой и особенно помогает роженицам и младенцам. Поэтому существовал обычай подвешивать изображение (голову тигра) над ванной, куда окунали младенца. Подвешивали так, чтобы голова отражалась в воде. Это должно было отпугнуть всё недоброе от ребёнка и его матери.

Тигр из буддийского храма Сигисан известен как *фукутора*, то есть «тигр, приносящий счастье». Сохранилась храмовая легенда о том, что много веков назад принц Сётоку-тайси, чтобы одолеть своего противника Мононобэ-но Мория, поднялся на гору и молился там

о победе. В этот момент перед ним предстал бог Бисямон в сопровождении тигра и предрёк скорую победу Сётоку-тайси, вселив в его душу силу тигра. И случилось это в год Тигра, в день Тигра и в час Тигра. Как повествует легенда, Сётоку-тайси произнёс: «Эта гора достойна, чтобы её почитали и чтобы её уважали», и назвал гору Сигисан, что иероглифически означает «Гора веры и уважения», а также заложил там храм. С тех пор храм на горе Сигисан стал почитать тигра своим покровителем.

Сегодня этот храм часто называют «Храмом тигра» или «Бисямон с горы Сигисан». Считается, что там следует просить богов об удачной торговле, прибавлении денежного достатка, а также можно заручиться поддержкой для победы в намеченном деле [Сигисан]. И всему этому могут помочь многочисленные керамические и деревянные тигры, размещённые на всей территории храма. Но, конечно, главным оберегом, воплотившим в себе всю многовековую силу желания и возможности победить, остаётся игрушечный тигр с двигающейся головой. Это до сих пор самый распространённый детский оберег. Он вечно стоит на страже.

Интересно, что игрушечной голове животного в Японии всегда придавалось особое значение. Голова считалась вместилищем не только ума, но также олицетворением собственного «я», показателем особой магической силы. В связи с этим можно вспомнить о большой роли, которую исстари играла в японской обрядности голова льва. Конечно, эту голову, известную как *сисигасира*, трудно назвать игрушкой: магическая роль её слишком велика. Но ведь и игрушки животных не были просто игрушками, за всеми за ними был закреплён важный обрядовый смысл. Так что голова льва вполне может рассматриваться как элемент этого магически значимого ряда.

Напомним, что для японцев, которые никогда прежде не видели настоящего льва, он приобрёл образ фантастического животного, чему в немалой степени способствовали столь же фантастические представления об этом животном у рюкюсцев (жителей архипелага Рюкю, первоначально самостоятельного королевства, а ныне — самой южной префектуры Японии — Окинавы) и у китайцев. При этом на японский народный образ льва большее влияние оказала китайская традиция, в которой лев издавна считался благопожелательным символом. «Китайский народ никогда от львов не страдал, — пишет китайский журналист Ван Фан, — поэтому китайцы львов любят и считают их символом смелости и счастья. Бытовало поверье, что сильный и смелый лев способен изгонять злых духов, и потому изображение льва служило оберегом» [Ван Фан, 2009, с. 63].

В японском облике этого животного не было ничего от реального льва, и внешне оно тоже больше напоминало дракона или даже нечто драконообразное. Но при этом не злое, а скорее доброе: с головой зелёного или красного цвета, с большими глазами, белой гривой, а точнее — с большим пучком белых волос на лбу и с огромной золочёной приоткрытой пастью. Конечно, первоначально предполагалось, что японский лев имеет устрашающий вид. Более того, считалось, что своим страшным видом он

способен отогнать несчастья и всё вредоносное, а также призвать счастье и удачу. Вероятно, именно поэтому японские воины издавна прикрепляли на свою одежду и другие части воинского костюма изображения головы льва, известные как *сисигасира*. Именно «голова льва» является благопожелательным символом, оберегом, предметом, способным даровать большой успех и достаток. Это очень древний благопожелательный символ процветания и богатого урожая.

Ещё недавно в японской провинции существовала традиция обхода «львом» домов в деревне с целью изгнать всё дурное, очистить людей от проблем прошлого и принести счастье нового года. Сейчас такие обходы можно встретить нечасто, но достойной заменой этим обходам служат традиционные танцы льва *сисимай*, а также выполненные из папье-маше игрушечные «голова льва», которые хранят дома как оберег для всей семьи.

Фонетические ассоциации и утверждение новой символики

В качестве оберега для всей семьи выступает в Японии и фигурка игрушечного голубя. Очевидно, что голубь никогда не входил в число самых известных благопожелательных символов. Однако достаточно посмотреть на традиционные игрушки разных районов Японии, как сразу можно увидеть множество керамических голубей-свистулек. Очевидно, что для игрушки выбиралась не любая птица, а именно голубь.

В сегодняшней благопожелательной символике голубя чётко прослеживаются две тенденции: заимствованная и традиционная. Как известно, в мировой культуре голубь всегда играл большую роль, считался вместилищем божественной души. В Японии в настоящее время за ним прочно закрепилась символика подателя мира и спокойствия, а также дарителя личного счастья. Очевидно, что такое «прочтение» — это результат европейского влияния, однако и в японской традиции можно найти, пусть и весьма опосредованные, доказательства

особого места этой птицы в народной культуре.

Голубь ассоциируется в Японии с культом бога Хатиман — синтоистского бога войны и покровителя воинов. Более того, именно голубь в народной культуре выступает в роли посланника или ипостаси Хатиман, который, как полагали, мог превращаться в золотого голубя [Кандзаки Норитакэ, 2000, с. 79–80]. Как отмечает японский исследователь Асида Сэйдзиро, голубь является устойчивым «сопровождением» бога Хатиман [Асида Сэйдзиро,

1999, с. 67], а в издании, посвящённом культуре этого божества, отмечается, что очевидна связь Хатиман и птиц, в которых он легко может превратиться, будь то голубь или орёл [Хатиман, 2002, с. 236].

Формирование культа Хатиман, которому сегодня посвящено более 30 тыс. храмов по всей Японии, имеет долгую и насыщенную историю, в которой связь

с голубем проследить крайне непросто. Вероятно, один из истоков этой связи следует искать в истоках самого культа. Как отмечает А.М. Дулина, «культ представлял собой соединение местных верований в божеств гор и камней, почитания божества-покровителя кузнечного дела корейскими иммигрантами, шаманских и даосских практик» [Дулина, 2013, с. 4]. Изначальная связь с божествами гор означала земледельческое происхождение тех богов, на основе культа которых затем и начал развиваться культ бога Хатиман. А связь богов гор и земледелия с птицами характерна для японской народной культуры и фольклора. Известный японский этнограф Янагита Кунио вообще считал Хатиман первоначально земледельческим божеством [Кавагути Кэндзи, 2001, с. 437].

Кроме того, можно заметить, что именно в храмах бога Хатиман, например, в одном из самых известных — в храме Цуругаока-Хатимангу всячески обыгрывается фонетико-иероглифическое единение имени бога Хатиман и слова «голубь», которое звучит как «хато». При этом в имени божества первый слог записывается иероглифом «восемь» — «хати», но это не помешало изобразить его в виде двух голубей в названии храма в городе Камакура. Помещённые таким образом голуби как бы образуют иероглиф «восемь».

Со временем голубь взял на себя и некоторые функции, свойственные богу Хатиман: ведь тот почитается как бог-защитник. Потому голубь в японской народной культуре охраняет от бед и способствует повороту судьбы к лучшему. Приобретение изображения голубя, особенно в местах, где есть храм бога Хатиман, считается в Японии надёжным оберегом, защищающим от врагов, болезней, сглаза и прочих невзгод. Самыми действенными защитниками издавна считаются игрушечные белые и розовые керамические голубки из города Камакура: они должны помочь обрести ещё и личное счастье.

Вариантом традиционной игрушки стали чудесные песочные печенье в виде голубей — давний и широко любимый символ Камакуры и храма Цуругаока-Хатимангу. Их изготавливают там уже более ста двадцати лет и называют «хато сабурээ», что значит «печенье/бисквит в виде голубя». Однако в народе это печенье давно ласково зовут «Хато-Сабуро» (Сабуро, как правило, имя младшего брата в японских сказках), что значит «Братец Голубь». В этом нежном имени звучит надежда японцев на то, что добрая птичка обязательно принесёт в их дом спокойствие и благополучие, а ещё непременно оградит семью от всех жизненных неприятностей.

Надо сказать, что в бытовании народной игрушки, как и в народной культуре японцев вообще, всегда большое значение придавалось «счастливому звучанию» того или иного животного или предмета. Фонетические ассоциации подчас играли решающую роль в определении благопожелательности предмета и включения его в состав символов счастья — *энгимоно*. В связи с этим можно вспомнить старинную игрушку с кошкой и мышкой. Для

японцев истари мышь воспринималась как символ счастья и богатства, что нашло своё отражение и в народной игрушке.

Так, в токийском районе Асакуса, в котором как нигде живы традиции старого Эдо, можно найти простую и милую игрушку. Её называют «Нэдзуми-но фуся» («Мышиная мельница»). На разных концах небольшой дощечки сидят кошка и мышка. Кошка – чёрная, а мышка – белая. Над ними – цветная вертушка. Если на неё подуть, то дощечка начнёт вращаться, и кошка как бы начнет ловить мышку. Можно дуть сильнее, и тогда дощечка тоже начнет крутиться быстрее. Но всё равно кошка никогда не поймает мышку. И в этом великий смысл игрушки – хорошее, доброе и светлое в жизни нельзя вот так просто поймать и съесть! Но даже зная, что кошка мышку не догонит, надо всё равно дуть и дуть, потому что глагол «дуть», который

по-японски звучит как «фуку» является омонимом слова «счастье», которое тоже произносится как «фуку», но записывается другим иероглифом. Так незатейливая игра становится сильным благопожелательным призывом и счастливым символом. А ещё, как считает Кимура Ёситаки, известный мастер из Асакуса, «игрушка, которая может двигаться без усталости, словно молится о том, чтобы у вас всегда было здоровье, а сегодня – энергия на целый день» [Кимура Ёситаки, 2011, с. 58].

На «счастливой» игре иероглифов построены и фольклорные интерпретации названия почитаемой в Японии птицы – совы, которая по-японски звучит как «фукуро:». Европейские представления о сове как о хранителе леса, символе мудрости и ума проникли и в Японию. Но истари и у японцев существовали представления о благопожелательных свойствах этой птицы. Считалось даже, что услышать крик совы – это доброе предзнаменование, сулящее большой успех в делах и победу над всеми невзгодами. Именно поэтому сова всегда входила в негласный список благопожелательных символов. Кроме того, слово «сова» ассоциировалось со словом «мешочек», которое звучит как «фукуро». Потому издавна особой счастливой символикой надеялись небольшие мешочки в виде совы или с её изображением, ставшие со временем предметом народного декоративно-прикладного искусства. Они воспринимались как надёжное хранилище не только денег, но и удачи, успехов, счастья. Интересно, что и сегодня такие мешочки, выполненные, как правило, в виде тканевых аппликаций, можно встретить в сувенирных лавках в небольших городах Японии: народные мастерицы сохраняют верность традиции.

Что же касается народной игрушки в виде совы, то на протяжении истории вариантов было много, и они различались в зависимости от района. Игрушка была недолговечна, потому что мастерилась из коры деревьев или плелась из стеблей травы-мисканта. Это

пример нечасто встречающейся в японской традиции плетёной игрушки. Но, как обычно происходило с японскими народными игрушками, постепенно сформировался некий национальный стандарт. Для игрушечной совы таким стандартом стала керамика *кутаньяки*, вобравшая в себя все представления о благопожелательной символике этой птицы: она выразительна, имеет доброжелательный взгляд, и, можно сказать, вселяет надежду на исполнение заветных желаний. Теперь это керамическая игрушка, которую можно легко разбить, и это, конечно, не предполагает активной игры с ней. Но зато она универсальна и может стать олицетворением любой из идей, заложенных в этот символ. А этих идей несколько и все они связаны с возможностью по-разному записать слово «сова» — «фукуро:». При этом интересно, что название самой птицы сегодня предпочитают писать не иероглифами, а азбукой, чтобы не было недопонимания.

Наиболее распространённой и давней «счастливой» записью этого слова считается не «счастье» — «фуку», что было бы естественно, а запись из трёх иероглифов, имеющая значение «без тяжёлого труда», «не тяжёлый труд» (不苦勞). То есть сова воспринималась как символ посильной работы, выражала пожелание не перетрудиться. Позднее появились и другие понимания имени совы, в которых обыгрывалась фонетическая близость названия птицы и слова «счастье»: «счастливая старость» (福老), «грядущее счастье» (福来) и даже «счастливая корзина» (福籠). Последнее означало, что счастья должно быть так много, что понадобится корзина.

Понятно, что не все эти «счастливые» интерпретации подходили для детей. Именно поэтому дарили игрушечную сову не только детям, но и взрослым. При этом, как полагали, вероятность исполнения пожелания была высокой. Это основывалось на представлении о том, что сова, которая днём спит, ночью бодрствует и хорошо видит в темноте, не только надёжный ночной страж семьи, бог-защитник дома, но и провидец: может предвидеть будущее и заглянуть в прошлое.

Надо сказать, что в японской благопожелательной символике всегда большое значение придавалось фонетическим созвучиям и омонимии. Но также немаловажную роль играло визуальное восприятие того или иного символа, то есть его иероглифическая запись. Иногда именно благодаря этой записи предмет начинали воспринимать как благопожелательный. Таких примеров можно привести много, встречаются они и в традиции народной игрушки.

Широко, например, известна в Японии игрушечная собачка из папье-маше: небольшая закругленная игрушка разной расцветки и с разными аксессуарами. В Японии, где сами собаки не играли такой важной роли как в других странах, за ними закрепилась не столько функция защитника жилища, сколько функция защитника детей. Для японцев оказалось важно, что собаки трепетно относятся к своему потомству, потому ещё в эпоху Хэйан, в IX–XII вв., появилось понятие *морину* — «собака-оберег»: над колыбелью ребенка было принято писать или вывешивать иероглиф «собака». Уже в XV–XVI вв. в домах знати и самураев, если там была роженица, стало принято устраивать в комнате что-то типа маленькой кумирни, а точнее — создавать закрытый уголок с собачкой из папье-маше внутри: её молили о лёгких родах [Кандзаки Норитакэ, 2000, с. 142]. Позднее эта традиция получила широкое распространение и в городской среде. Игрушечная собачка из папье-маше стала почти обязательным подарком на свадьбу, олицетворяя собой пожелание счастливой супружеской жизни и благополучного продолжения рода. Счастливая символика собаки

сохранятся в Японии и сегодня, но сейчас больше ориентирована на пожелание здоровья и роста детям.

В городской среде Эдо появилась и традиция рисовать на теле игрушечной собачки разные узоры, в основном растительные. При этом выбирались не любые растения, а те, которые сами по себе имели счастливую символику и входили в состав *энгимоно*. Самыми распространёнными стали собачки с узором

сливы – такую можно было подарить молодой девушке с пожеланием найти суженого, или с узором пиона – такие больше подходили взрослой замужней женщине и понимались как пожелание счастливой семейной жизни. Очевидно, что в развитии этой игрушки хорошо прослеживается наслоение одного благопожелательного символа на другой, то есть «усиление», «закрепка» доброй символики, что характерно для фольклорной традиции.

Расписанные цветами игрушечные собачки получили распространение по всей стране, но считались изобретением именно города Эдо, потому в западном районе Кансай они получили даже специальное название «Адзума ину», то есть «Восточная собака»: этим подчёркивалось, что расписанная собачка – это традиция «восточных земель», а именно окрестностей Эдо, а не Киото. Действительно, в Эдо эта игрушка была особо любима, продолжала совершенствоваться и выполнять новые функции.

Так, например, именно в городе Эдо появилась традиция обязательно дарить родителям младенца особую версию этой игрушки. Известно, что ещё в период Эдо мальчиков на тридцать первый день, а девочек – на тридцать третий день было принято приносить в синтоистский храм и представлять местным богам. Особое значение в этом ритуале приобрела всё та же игрушечная собачка, но оформленная особым способом: на спину ей прикрепляли игрушечный барабанчик, который издавал негромкий звук, если собачку переставляли с места на места или вертели в руках. Этого звука было достаточно, чтобы отогнать всё недоброе от младенца, ведь, как известно, барабан у всех народов считается важным звуковым оберегом, способным «очистить» пространство и прогнать болезни и невзгоды. Традиция дарить собачку с барабаном сохранилась в Японии до сих пор, такой подарок и сегодня считается желанным в семье, где есть дети.

При этом добрым знаком является в наши дни подношение младенцу (и не только) и другой версии этой игрушки. Это всё та же собачка из папье-маше, но уже не с барабанчиком на спине, а с плетеной в крупную сетку из бамбука корзинкой, которая почти полностью закрывает тело собаки. Благопожелательный смысл такого подарка сразу понять непросто, но это как раз пример счастливой иероглифической трактовки игрушки. Такую собачку дарят с пожеланием хорошего настроения, интереса к жизни, радости и смеха. Последнее имеет решающее значение, и потому следует вспомнить написание иероглифа со значением «смеяться» (*вару*). Верхняя часть этого иероглифа имеет элемент «бамбук», а нижняя, хоть и не состоит из элемента «собака», но зрительно его напоминает. То есть иероглиф «смеяться» – это, по сути, «собака под бамбуком», что и олицетворяет собой смешная собачка с корзинкой на голове.

Заключение

Как видно, народная животная игрушка играла и, что знаменательно, продолжает играть важную роль в жизни японского общества. Набор животных, воплотившихся в игрушечной форме, характерен для всей японской традиции, и представляет собой сочетание инокультурных заимствований и исконно японских представлений о животной символике. Налицо процесс перенесения этих представлений на игрушечные формы, при котором животные образы получили стойкое текстовое оформление. Появилось и большое количество легенд и преданий, связанных с этими животными и их игрушечной интерпретацией. Фольклорные тексты, объясняющие особую роль того или иного животного, бытовали в разных районах Японии и были связаны с разными синтоистскими и буддийскими храмами, что придавало легендам статус достоверного рассказа.

Помимо традиционных функций народной игрушки, таких как познавательная и обучающая, в Японии игрушечные животные приобрели чётко выраженное магически-охранительное значение, стали обязательным элементом обрядового действия, отголоском которого является и самая простая игра ребёнка с игрушкой. Сегодня, конечно, никто не думает о ритуальной роли этих игрушечных животных, но и не относится к животной игрушке как к бытовому предмету. Оставаясь в большинстве случаев детской игрушкой, эти керамические и бумажные животные получили статус детского оберега, с которым можно как играть, так и просто иметь рядом с ребёнком. И эта традиция также тесно связана с произведениями фольклора, которые в рамках своей специфики пытаются объяснить происхождение особой символики той или иной игрушки. Немаловажное значение приобретает и фонетико-иероглифическая трактовка названий животных, в которой японцы стремились увидеть благожелательный смысл. Всё это свидетельствует о том, что народная животная игрушка, имея свою давнюю историю, будучи овеянная старинными легендами и преданиями, остаётся частью современной повседневно-обрядовой жизни японцев, сохраняя исконные представления о счастье и являясь его добрым воплощением.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ван Фан.* Танцующие львы // Китай, 2009. № 2. С. 62–65.
- Дулина А.М.* Становление и эволюция культа божества Хатиман в Японии VIII–XIV вв. Автореф. диссер. на соиск. уч. степ. канд. истор. наук. М, 2013. 25 с.
- Ковычева Е.И.* Народная игрушка: Учеб.-метод. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Народное художественное творчество». М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2010. 159 с.
- Садокова А.Р.* Локальные предания о Минамото-но Ёритомо в системе японской фольклорной прозы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 49–61. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10020
- Асида Сэйдзиро.* До:буцу синко: дзитэн : [Энциклопедия верований, связанных с животными]. Токио, Хокусиндо:, 1999. 262 с.
- Кавагути Кэндзи.* Нихон-но камисама дзитэн. Ёми токи : [Энциклопедия японских синтоистских божеств. Чтение, толкование]. Токио: Касивасёбо:, 2001. 558 с.
- Кандзаки Норитакэ.* Кайун. Энги ёмихон : [Поворот к лучшему. Книга о благожелательных символах-энги]. Токио: Тикумасю: ханся, 2000. 221 с.

Кимура Ёситаки. Эдо-но энгимоно : [Благопожелательные символы Эдо]. Токио: Акисёбо, 2011. 206 с.

Сигисан : [Буддийский храм Сигисан]. URL: <http://www.shigisan.org/> (дата обращения: 08.08.2020).

Хатиман синко: дзитэн : [Энциклопедия верований бога Хатиман] / сост. Накано Хатаёси. Токио: Эбисуку:сё:сюппан, 2002. 467 с.

Эндзо:дзи : [Буддийский храм Эндзо:дзи]. URL: https://gurutabi.gnavi.co.jp/a/a_2931/ (дата обращения: 08.08.2020).

REFERENCES

Ashida, Seijirō (1999). *Dōbutsu Shinkō Jiten* [Encyclopedia of Animal Beliefs], Tokyo: Hokushindō. (In Japanese).

Dulina, A.M. (2013). *Stanovleniye i evolutsiya kul'ta bozhestva Khatiman v Yaponii VIII–XIV vv.* [Establishment and Evolution of the Cult of the Hachiman Deity in Japan in the 8–14 Centuries], Author's abstract of a thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences, Moscow. (In Russian).

Enjō-ji [Enjō-ji Buddhist Temple]. URL: https://gurutabi.gnavi.co.jp/a/a_2931/ (accessed: August 8, 2020). (In Japanese).

Hachiman Shinkō Jiten [Encyclopedia of Beliefs of the Hachiman Deity] (2002). Compiled by Nakano Hatayoshi, Tokyo: Ebisu Kōshō Suppan. (In Japanese).

Kanzaki, Noritake (2000). *Kaiun. Engi Yomihon* [Turn to the Best. A Book About Benevolent *Engi* Symbols], Tokyo: Chikumashū Hansha. (In Japanese).

Kawaguchi, Kenji (2001). *Nihon no Kamisama Jiten. Yomi Toki* [Encyclopedia of Shintoist Deities. Reading, Interpretation], Tokyo: Kashiwa Shobo. (In Japanese).

Kimura, Yoshitaki (2011). *Edo no Engimono* [Benevolent Symbols of Edo], Tokyo: Aki Shobō. (In Japanese).

Kovycheva, Ye.I. (2010). *Narodnaya igrushka: Ucheb.-metod. posobiye dlya studentov vuzov, obuchayushchikhsya po spetsialnosti “Narodnoye khudozhestvennoye tvorchestvo”* [Folk Toys: A Study Guide for Students of Higher Educational Institutions Specializing in Folk Art], Moscow: VLADOS Humanities Publishing Center. (In Russian).

Sadokova, A.R. (2019). *Lokal'nyye predaniya o Minamoto-no Yoritomo v sisteme yaponskoy folklornoy prozy* [Local Fables About Minamoto no Yoritomo in the System of Japanese Folk Prose], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3: 49–61. (In Russian).

Shigisan [Shigisan Buddhist Temple]. URL: <http://www.shigisan.org/> (accessed: 8 August 2020). (In Japanese).

Wang Fang (2009). [Dancing Lions], *China*, 2: 62–65. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.08.2020

Received 13 August 2020

Для цитирования: Садокова А.Р. Фольклорная символика японской животной игрушки // Японские исследования. 2020. № 3. С. 123–136. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023

For citation: Sadokova A.R. (2020). Fol'klornaya simbolika yaponskoy zhivotnoy igrushki [Folk symbolism of Japanese zoomorphic toys], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 3: 123–136. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023